

УДК 82.091
ББК 83.3(4)

И. Е. Адельгейм
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**«У подножия трона властителя».
«Везувий-убийца» как катализатор прития судьбы
у Густава Герлингга-Грудзиньского**

Автор статьи обращается к проблеме осмысления феномена землетрясения крупнейшим польским писателем-эмигрантом XX в. Густавом Герлинггом-Грудзиньским (1919–2000), почти столетия (1955–2000) прожившим у подножия Везувия, ставшим свидетелем нескольких землетрясений, женатым на дочери итальянского философа, историка, политического деятеля Бенедетто Кроче, который чудом уцелел во время землетрясения 1883 г., получив тяжелейшие физические и психические травмы. В тексте анализируется рефлексия над этим явлением, отразившаяся в записях «Дневника, писавшегося ночью» (1977–2000) и вошедших в него рассказах, а также связь этого процесса с механизмами психологической и художественной адаптации, обживания писателем-эмигрантом чужого пространства в слове и жизни. Автор рассматривает ряд взаимосвязанных контекстов, в которых «тьень землетрясения» фигурирует в прозе Герлингга-Грудзиньского (как феномен, специфику которого писатель пытается определить по отношению как к самому себе, собственным реакциям, так и к ментальности коренных неаполитанцев; явление, неразрывно и непосредственно связанное с областью языка; как проявление Зла, направленного против божественного в человеке, и пр.). Анализ позволяет высказать предположение, что тяготеющая над мироощущением жителей Неаполя тень «Везувия-убийцы» (по определению Джакомо Леопарди), наглядно воплощающая идею хрупкости человеческой жизни — через ощущение неисключительности собственной полной внезапных драматических крушений судьбы, — способствовала адаптации Герлингга-Грудзиньского к чужому пространству.

Ключевые слова: *Герлингг-Грудзиньский, Везувий, окаменение, неаполитанцы, судьба.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.4.01

Тень «Везувия-убийцы» не могла не появиться в творчестве Густава Герлингга-Грудзиньского, который осел в «испокон веку

сейсмоопасном районе» и несколько десятилетий, подобно местным жителям, «ступал по столь хрупкой земной оболочке, ежедневно вглядывался в конус Везувия, обитал в такой близости от Помпей, Геркуланума, дымящихся фумарол Сольфатары под Поццуоли»¹ (апрель 1970 г.). «Сверкание глаз»² вулкана сопутствовало писателю, начиная с первой встречи с Италией: «Я впервые шагнул на итальянскую землю в 1944 году, в зареве проснувшегося Везувия, под дождем пепла и зловеще потемневшим небом»³ (апрель 1970 г.), — вспоминает Герлинг-Грудзинский.

Итак, эта тема время от времени возникает в «Дневнике, писавшемся ночью» и рассказах («Руины», полностью посвященные землетрясению, — первый рассказ, программно включенный в рамки «Дневника»; опыт *terremoto* — землетрясения — появляется в виде своеобразного контрапункта к мотиву проказы также в «Башне»). Степень реализма / литературности рассказов, блестяще проанализированная А. Моравцем⁴, значима здесь лишь постольку, поскольку свидетельствует о том, что попытки «накрыть словом» тень *terremoto* касались разных плоскостей писательского сознания Герлинга-Грудзинского, его стремления к упорядочению судьбы — универсальной и собственной.

Яркое описание упомянутого выше «дождя пепла» появляется в «Villa Tritone». Несмотря на тревожное присутствие «огненного знака Z на склонах Везувия»⁵, эстетики и отстраненного анализа ментальности местного населения здесь больше, чем собственно страха и потрясения. Ужас отдает живописностью: «Несколько ночей подряд вершина Везувия пылала. Над кратером висел дымовой гриб, белый с красными краями и середкой: казалось, гигантский зонтик, все выше и выше приподнимаемый извержением, прикрывает черную гору от огненного ливня, раскаленные капли которого утренними звездами гасли на фоне небесного бархата. Днем холодный ветер нес этот “пепельный дождь” через залив, засыпая улицы, дома и сады Сорренто хрусткой крошкой шлака. Море было беспокойным, поблескивало

¹ Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись / Пер. с польск. И. Адельгейм. СПб., 2017. С. 74.

² Там же. С. 264.

³ Там же. С. 74.

⁴ Morawiec A. «Nie można żyć bez nadziei» («Gruzy» Gustawa Herlinga-Grudzińskiego) // Zeszyty Naukowe. 2000. № 5 (10). S. 7–9.

⁵ Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись. С. 48.

холодной сталью. Сторожа деревянными лопатами, словно снег, сгребали с тротуаров и мостовой пепел. Кучи его лежали по всему городу, мы лавировали между ними в почти сумеречном свете, прикрывая ладонью рот; нос и глаза забиты пылью, одежда покрыта толстым слоем пепла. Через неделю Везувий успокоился. Еще ночью воздух над вулканом был розов от отсветов из недр кратера, и на самой вершине извивались огненные змейки, а днем уже светило солнце, голубизна неба вновь отражалась в море, а лазурь моря — в огромном, накрывающем залив небесном куполе»⁶.

В описании же молчаливого сопротивления жителей еще ощущается дистанция (немного напоминающая явление, позже описанное Герлингом-Грудзинским в связи с выставкой живописи, посвященной Везувию: «местное проклятие, на которое пришельцы из других стран, “совсем другие люди”, взирают с тревожным любопытством»⁷): «Поток лавы остановился на середине конуса, но на следующий день началась эвакуация Торре-дель-Греко и Торре-Аннунциата, двух городков, расположенных у подножия вулкана. Я автостопом доехал до места эвакуации и своими глазами наблюдал своеобразный атавизм местных жителей: хотя даже старики не помнили предыдущего извержения Везувия, однако люди паковали вещи и покидали дома сосредоточенно и спокойно, ведомые каким-то безошибочным инстинктом. На выездных дорогах сидели на узлах женщины, окруженные роем чумазых, заплаканных детей, мужчины гнали к эвакуационным пунктам скот. Не слышно было ни жалоб, ни проклятий. Я не сомневался, что если бы поток пылающей лавы пробился сквозь плотину апельсиновых рощ и смел в море маленькие домики Торре-дель-Греко и Торре-Аннунциата, через несколько дней жители бы вновь принялись цепляться когтями за опаленные склоны вулкана, на которых в спокойные периоды зеленел виноград и трепетали на солнце южные цветы»⁸.

В дальнейшем тень «Везувия-убийцы» появляется в прозе Герлинга-Грудзинского в нескольких взаимосвязанных контекстах — как явление, которое писатель пытается определить по отношению как к самому себе, собственным реакциям, так и к ментальности коренных неаполитанцев и жителей окрестных деревень, феномен, непосредственно связанный с областью языка, наконец, как

⁶ Там же. С. 49.

⁷ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. Kraków, 2011. Т. 1. 1971–1981. S. 723.

⁸ *Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись*. С. 48–49.

проявление Зла. По словам фотографа Т. Оливареса, каждый устанавливает собственную связь с силой, которая способна его уничтожить, в случае жителей сейсмоопасных зон эту связь, очевидно, можно назвать симбиотической.

Само местоположение города — у подножия вулкана, — по словам Э. Беньковской, «словно бы символизирует психику неаполитанца: губчатая скала, где его подстерегают ямы и подземные коридоры, где нередкий гость — землетрясение, где царит Гора, готовая в любой момент обрушиться на него пепел и огонь»⁹. Герлинг-Грудзинский не раз обращается к этому феномену: «Когда-то я прочитал у знатока Неаполя и психологии неаполитанцев, что в подсознании среднестатистического жителя нашего города по-прежнему, спустя две тысячи лет, живет призрак “последних дней Помпеи”. Osservatorio Vesuviano на склоне Вулкана, снабженная всей возможной измерительной аппаратурой, не скрывает, что п р е д с к а з а т ь может не слишком много. В народном воображении лава, вероятно, сродни дракону, притаившемуся в непроницаемой тьме. Порой, как в 1944-м, можно увидеть сверкание его глаз; но ежедневно ощущаешь за стеной сна его присутствие»¹⁰ (15 мая 1990 г.); «Так было всегда, половина территории Италии сейсмоопасна. У жителей Италии землетрясение в крови, они к нему в душе, атавистически подготовлены»¹¹.

Несмотря на проявляющуюся в тексте специфическую дистанцию — ощущение себя одновременно чужаком и местным, иностранцем, много лет прожившим в Неаполе (ситуация, имеющая свои преимущества, позволяющая избежать ряда стереотипов, увидеть иначе, порой — больше), — Герлинг-Грудзинский пишет с позиции «мы»: «Вышел за ворота и замер: на стене — огромный свеженаклеенный плакат с заголовком “Operazione Vesuvio”. Для нас, жителей Неаполя, публичные объявления, касающиеся Везувия, грозно царящего над городом Вулкана, — не повод для шуток»¹² (23 июня 1972 г.). В подобном духе он пишет двадцать лет спустя: «Ведь “тени” у нас нет, мы живем не “в тени”, а “у подножия”. У подножия трона властителя, уже довольно давно являющего милость, во всяком случае относитель-

9 *Bieńkowska E.* Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Warszawa, 2002. S. 94.

10 *Герлинг-Грудзинский Г.* Неаполитанская летопись. С. 264.

11 *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą. Kraków, 2012. T. 3. 1993–2000. S. 764.

12 *Герлинг-Грудзинский Г.* Неаполитанская летопись. С. 93.

ную [...], непредсказуемого и грозного тирана, громовержца, хозяина пятидесяти извержений, в подсознании жителей Неаполя и в сознании путешественников, более или менее мимолетных. “Везувий-убийца”, как называл его Леопарди. [...] Среди чужеземцев, конечно, это присутствие ощущается сильнее и ярче, чем среди местных (чей атавизм успокаивает). Я сам тому пример»¹³ (15 мая 1990 г.).

Землетрясение Герлинг-Грудзинский воспринимает как слепую и равнодушную к человеческой воле и человеческому страданию силу, то есть силу *бесчеловечную*. Основываясь на собственном и чужом опыте, он пытается определить ее исключительность. Источник непреодолимой мощи землетрясения писатель видит в ощущении абсолютного, архаического бессилия, каким оно наполняет человека: «Со вчерашнего дня я время от времени включаю телевизор в поисках кадров землетрясения во Фриули. Существует якобы точка насыщения ужасом, после которой в наши реакции вкрадывается тупое безразличие. Может и так, но на землетрясение это правило не распространяется. Войны, революции, боины, пожары, эпидемии, наводнения — все это не настолько пугает человека своей грандиозностью, не наполняет его ужасом столь концентрированным и бессильным, как дрожащая под ногами земля, не оспаривает в нем природного, архаичного чувства собственного бытия. Есть в землетрясении нечто метафизическое, ускользающее от органов чувств. Неудивительно, что Моравиа пишет в сегодняшней колонке: “Землетрясение, пожалуй, больше, чем какое бы то ни было другое природное явление, убеждает в присутствии божественной энергии; но это энергия божества языческого, капризного, слепого и мрачного, не осознающего свою силу”. [...] Я стал свидетелем небольшого землетрясения в Неаполе в августе 1962 года. Лето я проводил в одиночестве, из дому выходил редко. Толчок — в полдень — был слабым, но я никогда не забуду то мгновение оцепенения, окаменения, когда в кухне зазвенели тарелки. Люди моментально высыпали на улицы, в городской сад, на площадь. Меня поразило, что неаполитанцы, не отличающиеся особой любовью к животным, тащили с собой собак и кошек. Их считают живыми сейсмографами, приписывают им способность заранее улавливать недоступные человеку знаки или предсказания. [...] кто знает, возможно, именно этот феномен подсознательно еще больше усиливает наш атавистический ужас: затаившаяся, постоянно подстерегающая человека опасность исходит

13 Там же. С. 264.

из непроницаемых земных глубин, из доисторического мрака»¹⁴ (9 мая 1976 г.); «Но в следующий миг меня охватило, а точнее пронзило чувство, которое я не в силах описать. Нет, не страх, страх я хорошо знаю, в нем присутствует понимание конкретного источника опасности и понимание, что существует некий выход. Здесь — нет. Здесь меня окружало нечто бесформенное, неотвратимое и вездесущее, нечто находящееся одновременно далеко от меня, рядом со мной и внутри меня»¹⁵ (24 ноября 1980 г.). Отсюда — «психоз конца света»¹⁶ как попытка вписать это явление хоть в какую-то парадигму законов мироздания («Для богобоязненного сицилийского люда еще столетие назад вместилищем Ада являлась Этна»¹⁷, — возвращается писатель к этой мысли десятилетия спустя).

Герлинг-Грудзиньский неоднократно обращался к опыту своего тестя, философа, историка, политического деятеля Бенедетто Кроче: «В год, когда произошло землетрясение, будущему неаполитанскому философу исполнилось шестнадцать лет, в результате трагедии в Казамиччола у него оказалась сломана правая рука и раздроблена бедренная кость, впоследствии эти травмы привели к частичному параличу»¹⁸ (апрель 1970 г.). Эту заметку Герлинг-Грудзиньский начинает цитатой из Кроче, на первый взгляд, сдержанной ретроспекции: «В июле 1883 года мы с отцом, матерью и сестрой Марией приехали в Казамиччола (Искья), в пансионат “Вилла Верде”, в верхней части городка; через несколько дней, вечером 20 июля, произошло чудовищное землетрясение. Помню, как сразу после ужина мы сидели в комнате с террасой: отец писал письмо, я, устроившись напротив, читал, мать и сестра шепотом разговаривали в углу; вдруг послышался протяжный мрачный гул, и в то же мгновение на нас обрушились стены здания. Я успел увидеть, как отец стремительно вскочил со стула, а сестра бросилась к матери. Я инстинктивно выбежал на террасу, она ушла у меня из-под ног, и я потерял сознание. Очнулся поздней ночью, засыпанный по шею, — над головой мерцали звезды, вокруг только желтоватая земля; я не мог понять, что случилось, — казалось, это сон. Через некоторое время я понял, в чем дело, и меня охватил покой, как бывает во время страшной беды. Я звал на помощь — себе и отцу, голос которого слышал невдалеке; несмотря на все усилия, самому

14 Там же. С. 118–120.

15 Там же. С. 142–143.

16 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 715.*

17 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 3. S. 979.*

18 *Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 73–74.*

мне выбраться не удалось. Под утро меня откопали, если я не ошибаюсь, двое солдат, я лежал на носилках под открытым небом. [...] Отца, мать и сестру нашли через несколько дней, мертвыми, под завалами: мать сжимала в объятиях сестру»¹⁹.

Спустя несколько лет Герлинг-Грудзиньский говорит о том, что Кроче ждал смерти как избавления от невыносимых воспоминаний, завершая запись нехарактерным для него восклицательным знаком: «Л. рассказывала мне, что ее отец (который в возрасте шестнадцати лет единственный из всей семьи уцелел во время землетрясения на Искье, пролежав тридцать часов под завалами) незадолго до своего конца говорил: “Смерть, наконец, избавит меня от величайшей муки, ежедневного возвращения мыслями к тому летнему вечеру в Казамичола”. Спустя семьдесят лет, после двух войн и стольких трагедий!»²⁰ (9 мая 1976 г.).

Действие землетрясения на человеческую психику Герлинг-Грудзиньский связывает непосредственно с языком: «А следовательно, к образу руин, чтобы сделать его по-настоящему полным, следовало бы добавить и это свидетельство разрушения языка»²¹. Писатель полагает, что утрата речи является следствием утраты данной человеку от рождения веры в почву под ногами, своего рода неспособности поверить в вероломство земли («отравление или инфицирование души человека, под ногами которого дрогнула земля и разверзлась пропасть»²²). «Удар Неведомой Руки»²³ (определение, неоднократно используемое в «Дневнике») не поддается выражению, писатель несколько раз признается, что «не умеет описать» эти архаичные чувства применительно ни к себе, ни к наблюдаемым им местным жителям. Дважды, словно бы в бессильном раздражении, повторяет — «слова, слова, слова»: «С улицы донесся крик: “Terremoto”, тут же подкрепленный более длинным: “La terra trema”. Этот возглас часто звучит в наших краях, в моем дневнике немало записей, посвященных землетрясению. В одной говорится о местном “атавизме привычки к стихийным бедствиям”, в другой — об “атавистическом ужасе” [...] Все, вроде, точно, но вместе с тем — слова, слова, слова. [...] Звучат цифры: количество убитых, раненых, пропавших без вести, зритель

19 Там же. С. 73.

20 Там же. С. 118–119.

21 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. Т. 1. S. 722.

22 *Ibid.* S. 713.

23 *Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись*. С. 144 и др.

видит тела, которые спасатели укладывают ровными рядами, вот протискивается между развалинами какая-то женщина, судорожно прижимая к груди мертвого ребенка. Что невозможно сказать ясно, того не следует говорить вовсе. Вместо слов, слов и слов — фраза, в которой, возможно, заключено неизмеримо больше: человек, стертый в пыль одним ударом Неведомой Руки. Именно эта рука рождает чувство, непохожее на страх, не поддающееся описанию, смутно присутствующее даже в молчании»²⁴ (24 ноября 1980 г.). И, чуть позже, замечает: «Чего уста твои не в силах выговорить так, чтобы в голосе твоём звучала уверенность, того не говори вовсе; и молись беззвучно вместо того, чтобы болтать без толку»²⁵. Соприкасающуюся с проблемами этики рефлексия на тему немоты этого страха мы встречаем в рассказе «Руины»: «Оба мы молчали с момента отъезда из Неаполя, ограничиваясь короткими деловыми репликами. Я предчувствовал, что так будет и дальше. Есть разные виды молчания, наше было — как мне кажется — инстинктивным страхом перед напастью драматической риторики. Люди не осознают, насколько в определенных обстоятельствах она завладевает ими. И насколько бывает важно хотя бы попытаться от нее освободиться. Во имя простого на первый взгляд, но на самом деле коварного миропорядка: с неуловимой до конца сутью вещей мы способны лишь мельком соприкоснуться на скользком пограничье банальности и тайны»²⁶.

Помимо ощущения ограниченности языка, переживаемого «профессиональным пользователем слов» — писателем, — Герлинг-Грудзинский наблюдает деструкцию, «разрушение» языка у обычных людей («Порой короткое рыдание, но в основном — исполненное достоинства молчание»²⁷). Взрослые жители Тора Альто «переговаривались редко и словно бы вырывающимися из сжавшегося горла обрывками слов»²⁸, дети не хотели или не могли отвечать на вопросы. Констатацию героя «Руин» «Dio non c'è»²⁹ — «Бога нет» — Герлинг определяет как «предсмертную судорогу языка, придавленного грудями камней, бесконечной тяжестью вероломной земли»³⁰.

24 Там же. С. 143.

25 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. Т. 1. S. 723.

26 *Ibid.* S. 717.

27 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. Т. 3. S. 763.

28 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. Т. 1. S. 720.

29 *Ibid.* S. 720.

30 *Ibid.* S. 722.

Автор декларирует: «Я даже не пытаюсь их описать, я всегда заботился о стыдливости слов»³¹, однако ремесло писателя все же заставляет его повторять попытки назвать происходящее. Слабое человеческое слово пытается противостоять навязчивому молчанию природы (эпицентр землетрясения Герлинг-Грудзинский именуется «оком циклона, затянутым бельмом тишины»³²). И, декларируя отказ от описания, он все же стремится это сделать, последовательно пользуясь понятием «окаменения» по отношению к собственному и чужому опыту: «я никогда не забуду то мгновение оцепенения, окаменения»³³ (9 мая 1976 г.); «никогда не забуду отрешенные, окаменевшие, но привычные лица крестьян, которых поспешно эвакуировали из опасной зоны»³⁴ (апрель 1970 г.); «Лица людей, которых тут называют *terremotati*, всегда имеют одно и то же выражение. К чему пытаться описать его, если достаточно просто сказать: выражение руин? Такие лица я видел сегодня на улицах и площадях Неаполя [...], в телерепортажах из Кампании, Лукании и Ирпани. [...] Склоненные над руинами головы неотличимы от откатываемых камней»³⁵ (24 ноября 1980 г.); «лица, которые мне давно знакомы: неподвижные, окаменевшие»³⁶.

Характерно, что вместе с описанием окаменения жителей писатель антропоморфизирует камни — вынесенные в заглавие рассказа руины: «В сизоватом свете они имели вид призрачный, и тем не менее в них еще жила тень умершей деревни; как человеческие черты вскоре после смерти, прежде чем окончательно застыть и окаменеть, сохраняют что-то от прежнего выражения лица в изгибе губ, в морщинке у глаз, так и в грудях руин Тора Альто еще сохранялись слабые, исчезающие, однако упорные следы ее души. [...] Скажу лишь, что, переводя взгляд с почти уже уничтоженной деревни на ее оставшихся в живых обитателей, я утрачивал уверенность, что они в самом деле остались в живых. Они стояли неподвижные, окаменевшие. [...] В их глазах была омертвевшая, холодная напряженность последнего взгляда: за гранью страдания, там, где отчаяние обращается в безразличие»³⁷ («Руины»).

31 Ibid. S. 716.

32 Ibid. S. 720.

33 *Герлинг-Грудзинский Г.* Неаполитанская летопись. С. 119.

34 Там же. С. 74.

35 Там же. С. 143–144.

36 *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą. T. 3. S. 763.

37 *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 719–720.

Рассказ «Руины» позволяет очертить лексико-семантическое поле, при помощи которого Герлинг-Грудзиньский осмысляет явление *terremoto* в перспективе жертв и свидетелей: «незаживающая рана»³⁸ (сравниваемая в «Башне» с проказой, о чем автор упоминает также в «Руинах»); «отравление или инфицирование души»³⁹; потерянности⁴⁰; пустота⁴¹; молчание⁴²; наконец, зло, чудо, надежда, ибо «ужас [землетрясения. — И. А.] ставит перед человеком экзистенциальные вопросы с исключительной яркостью и силой»⁴³.

Землетрясение предстает Злом в чистом виде, Злом, не связанным непосредственно с грехами человека, который не является его источником (вулкан Герлинг-Грудзиньский именуется «адской вершиной, возвышающейся над раем»⁴⁴), ударом Судьбы. Это «сила поистине неведомая»⁴⁵, «удар ниоткуда»⁴⁶, удар Неведомой Руки, то есть сила, исходящая не от христианского Бога. Неслучайно Герлинг-Грудзиньский замечает: «Это существенно: Бог в своем всеведении не ведаёт, что есть человеческое страдание. Христианство родилось из потребности людей в Боге страдающем. И из потребности Бога в участии в человеческом страдании. Иов не получил удовлетворительного ответа на свое одиночество в муках и равнодушное молчание Неба. Его потомки, благодаря распятому на кресте Сыну Божьему, избавились от одиночества наперекор безразличному молчанию мира»⁴⁷ (3 ноября 1973 г.).

Следует также сказать о двух понятиях, неразрывно связанных с идеей Зла и являющихся значимым элементом концепта *terremoto* в прозе автора «Руин». Это — Чудо и Надежда. Неаполь, по Герлингу-Грудзиньскому, существует «в подвешенном состоянии между Чудом и Вулканом»⁴⁸ (так он перефразирует определение, данное Гете: «между

38 Ibid. S. 713.

39 Ibid.

40 Ibid. S. 714.

41 Ibid.

42 Ibid. S. 717.

43 Ibid. S. 713.

44 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 3. S. 979.*

45 *Herling-Grudziński G., Bolecki W. Rozmowy w Dragonei. Warszawa, 1997. S. 250.*

46 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 719.*

47 Ibid. S. 254.

48 *Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 172.*

Богом и Дьяволом»⁴⁹). О чуде он также сдержанно говорит в рассказе «Руины»: «[...] рядом с дверным проемом, на последней ступени лестницы, стояла прислоненная к стене гипсовая фигура святого, ее поставили там, вероятно, как единственное, что осталось от алтаря, и потому — демонстрируя чудо и умоляя о еще одном — увешали четками»⁵⁰.

Надежда, с одной стороны, предстает тем, что человек, повинуясь инстинкту выживания, естественным образом противопоставляет бесчеловечной силе. Герлинг-Грудзинский, по своему обыкновению, вводит здесь дополнительный — литературный — контекст, цитируя фрагмент «Преступления и наказания» Достоевского: о человеке, который, будучи приговорен к смерти, думает, что согласился бы жить на скале, на узенькой площадке — «Как бы ни жить — только жить!»⁵¹ В 1973 г. писатель записывает в «Дневнике»: «Надпись Dio с'е, “Бог есть”, выведенную белой краской на придорожной скале, я заметил месяц назад в окрестностях Помпеи. [...] Поиск твердой почвы под ногами [...]»⁵² — здесь нельзя не вспомнить слова героя рассказа «Руины»: «Dio поп с'е». Спустя почти двадцать лет Герлинг-Грудзинский цитирует Павла Муратова: «Но помимо смертоносной жилы Вулкана в Неаполе существует и жизнетворная жила “безотчетной, нерассуждающей и суеверной радости существования”, умение человеческой толпы “быть счастливой от простого сознания своего бытия” [...] Никакое другое человеческое существо не любит мир такой крепкой, упорной, животной любовью»⁵³ (15 мая 1990 г.).

В то же время, тогда как взрослый герой «Руин» восклицает «Бога нет», дети сооружают рождественские ясли, в которых лежит Распятый Христос, а не Младенец Иисус, неосознанно воплощая таким образом целое годового цикла. Надежду Герлинг-Грудзинский связывает с божественным началом в человеке: «Божественное в нас только это: сила Надежды, проявляющаяся даже — а может, тем более мощно — в силе отчаяния. Кафка, писавший о неуничтожимом твердом ядре в человеке, имел в виду Надежду, хоть ему и не хватило мужества назвать ее по имени. “Совершенно без надежды жить невозможно”, — восклицал Достоевский; это и есть наша божественная вечность»⁵⁴.

49 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 723.*

50 *Ibid. S. 719.*

51 *Ibid. S. 715.*

52 *Ibid. S. 234.*

53 *Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись. С. 264.*

54 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 726.*

Повествователь «Руин» цитирует также «Итальянские путешествия» Гете, который утверждает, что «неаполитанец безусловно был бы совершенно иным человеком, не ощущая он себя в ловушке между Богом и Дьяволом»⁵⁵. Тень надежды, по Герлингу-Грудзиньскому, «имеет лик Бога, а не Судьбы»⁵⁶.

С течением лет Герлинг-Грудзинький пишет о *terremoto* все реже, в последнее десятилетие своей жизни — очень редко. Характерной и значимой, однако, представляется запись от 26 сентября 1997 г.: «Психический столбняк. Такого определения, такого понятия не существует, однако я не умею иначе назвать мгновения, проведенные перед телеэкраном, на котором показывают землетрясение в Умбрии [...] Я находился именно в столбняке, не мог встать со стула, чувствовал, как печет глаза и пересыхает в горле. Ассиз, Фолиньо, Орвието [...] Осыпавшийся свод Чимабуэ в базилике Святого Франциска, очевидно, утраченный безвозвратно. Потрескавшиеся фрески Джотто на стенах, которые, возможно, удастся восстановить стараниями реставраторов. Церкви в Фолиньо и в Беванье, рухнувшие башенки и колокольни. [...] Это не первое землетрясение в моей итальянской жизни, но первое столь безжалостно обошедшее с бесценными произведениями искусства. Люди? Несколько человек погибло под руинами, у нескольких не выдержало сердце [...] Выйти из психического столбняка немного помогает беззвучная молитва. Позволь, Боже, чтобы у меня еще была возможность [...] побродить по исцеленной базилике в Ассизе»⁵⁷.

Таким образом, землетрясение предстает здесь как сила Безжалостного Божества, направленная против Божественного в человеке. Так или иначе, это — находящаяся в «реально существующем краю лазури и культуры, покоя и гармонии», «воплощенной Аркадии художников», «воплощении эстетической утопии Винкельмана, дарующем человеку “покой сердца”»⁵⁸ — ситуация постоянного напряжения, в какой-то степени отражающая судьбу писателя. С одной стороны, исторические катаклизмы постижимы человеком, словно бы скроены по его мерке, поскольку им же спровоцированы. Герлинг-Грудзинький не раз возвращается к этому сравнению (или, скорее, антитезе): «Войны, революции, бойни, пожары, эпидемии, наводнения — все это не настолько

55 Ibid. S. 723.

56 Ibid.

57 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 3. S. 763–764.

58 *Przybylski R. Et in Arcadia ego. Esej o tęsknotach poetów*. Warszawa, 1966. S. 134.

пугает человека своей грандиозностью, не наполняет его ужасом столь концентрированным и бессильным, как дрожащая под ногами земля, не оспаривает в нем природного, архаичного чувства собственного бытия. Есть в землетрясении нечто метафизическое, ускользающее от органов чувств»⁵⁹; «Война приучила нас к видам разрушенных городов, местечек и деревень, к пустыням щебня со скелетами домов, с кладбищами под хаосом камня и железа. Почему же эта картина так потрясала? Если бы я умел это сказать! Если бы умел несколькими словами указать разницу между “человеческими” войнами и ударом “ниоткуда”!»⁶⁰ (9 мая 1976 г.).

С другой стороны, можно усмотреть сходство между ощущением бессилия человека по отношению к Судьбе как таковой, воплощением которой являются и *terremoto*, и «История, спущенная с цепи» (как ее определяет вслед за Стемповским Герлинг-Грудзиньский) — оба мгновенно и с легкостью разрушают человеческие жизни, — и положением неаполитанца. Так, подобное «окаменению» свидетелей и жертв землетрясения «ощепенение, лишенное всякого выражения»⁶¹ замечает Герлинг на лице женщины, которая читает в газете о теракте. Говоря о творчестве и судьбе Шаламова, писатель не раз пользуется образами, очевидным образом отсылающими к концепту *terremoto*: «мастерство Шаламова» Грудзиньский полагает «результатом окаменения»⁶²; в рассказе «Клеймо» «окаменевшим» оказывается герой (т. е. Шаламов); в конце этого рассказа фигурирует «подземный гул»⁶³ и т. д.

Землетрясение, которое ставит человека перед лицом беспричинной хрупкости собственного существования (не будем забывать о многочисленных аллюзиях с фигурой Иова в «Руинах» и выводе в «Дневнике, писавшемся ночью» о том, что «вся тайна человеческого существования, все вопросы, неустанно опутывающие человеческую судьбу, ведут к поиску “ответа на Иова”»), перед тайной существования как такового, делает это наиболее буквальным образом — вероломно лишая его почвы под ногами. «Тот, кто здесь родился или давно живет, видимо, наделен врожденным или привитым ощущением непрочности земли и человеческой жизни»⁶⁴ (апрель 1970 г.), — пишет Герлинг-Грудзиньский, прожив в Италии пятнадцать лет.

59 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 386–387.*

60 *Ibid. S. 719.*

61 *Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 93.*

62 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 487.*

63 *Ibid. T. 2. S. 31.*

64 *Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 74.*

Это «личное соприкосновение с тем, над чем человек не властен», с «другим измерением»⁶⁵ (так же как «бесконечная неаполитанская горечь»⁶⁶ в целом — осязаемые симптомы энтропии, «гибельные симптомы гниения и распада»⁶⁷ — «агония моря»⁶⁸, «агонизирующее море плеснуло мертвой волной»⁶⁹ и т. д.), вероятно, способствовало ощущению неисклочительности собственного опыта и, таким образом, адаптации Герлинг-Грудзиньского к городу, который он, несмотря на многократно упоминаемые одиночество, пустоту, поверхностность знания, ненависть, чуждость, называет «нашим»⁷⁰.

Источники и литература

Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись. Пер. с польск. И. Адельгейм. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. 512 с.

Bieńkowska E. *Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego.* Warszawa: Wydawnictwo Zeszytów Literackich, 2002. 172 s.

Herling-Grudziński G. *Dziennik pisany nocą.* Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2011–2012. Т. 1. 1971–1981. 798 s.; т. 2. 1982–1992. 1032 s.; т. 3. 1993–2000. 1068 s.

Herling-Grudziński G., Bolecki W. *Rozmowy w Dragonei.* Warszawa: Sżpak, 1997. 382 s.

Morawiec A. «Nie można żyć bez nadziei» («Грузы» Gustawa Herlinga-Grudzińskiego) // *Zeszyty Naukowe.* 2000. № 5 (10). S. 7–21.

Przybylski R. *Et in Arcadia ego. Esej o tęsknotach poetów.* Warszawa: Czytelnik, 1966. 185 s.

References

Bieńkowska, E. *Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego.* Warsaw: Wydawnictwo Zeszytów Literackich, 2002, 172 s.

Gerling-Grudzin'skii, G. *Neapolitanskaia letopis'.* Per. s pol'sk. I. Adel'geim. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2017, 512 s.

65 *Bieńkowska E.* *Pisarz i los.* S. 95.

66 *Герлинг-Грудзинский Г.* Неаполитанская летопись. С. 131.

67 Там же. С. 111.

68 Там же. С. 110.

69 Там же. С. 112.

70 Там же. С. 187, 433 и др.

Herling-Grudziński, G. *Dziennik pisany nocą*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2011–2012, t. 1. 1971–1981, 798 s.; t. 2. 1982–1992, 1032 s.; t. 3. 1993–2000, 1068 s.

Herling-Grudziński, G., Bolecki W. *Rozmowy w Dragonei*. Warsaw: Szpak, 1997, 382 s.

Morawiec, A. «Nie można żyć bez nadziei» («Gruzy» Gustawa Herlinga-Grudzińskiego). *Zeszyty Naukowe*. 2000, № 5 (10), s. 7–21.

Przybylski, R. *Et in Arcadia ego. Esej o tęsknotach poetów*. Warsaw: Czytelnik, 1966, 185 s.

Irina E. Adel'geym

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

“At the foot of the throne of the ruler.” “Vesuvius the Killer” as a catalyst for the accepting one’s fate in Gustaw Herling-Grudziński’s oeuvre

I dwell upon the way Gustaw Herling-Grudziński (1919–2000), a prominent Polish emigrant writer of the 20th century reflected upon the phenomenon of earthquakes. He lived for nearly a half of the century (1955–2000) at the foot of Vesuvius and witnessed several earthquakes. Moreover, his father-in-law Benedetto Croce, an Italian philosopher, historian and politician barely survived the earthquake of the 1883, which severely injured him both physically and psychologically. I specifically reflect on Herling-Grudziński’s thoughts about this phenomenon he expresses in his notes in the “Diary Written at Night” (1977–2000) and especially in the stories included into this book. I analyse the connection of this process to the mechanisms of psychological and artistic adaptation, his settling in the foreign space both in terms of literature and in terms of life. I focus on a number of interconnected contexts in which “the shadow of the earthquake” appears in Herling-Grudziński’s prose as a specific phenomenon. Namely, it is connected to the language inseparably and immediately, but at the same time, it is a manifestation of Evil directed against the divine in man. The writer attempted at defining its specificity as related both to his self and his reactions, and to the mentality of native Neapolitans. The shadow that hangs over the worldview of the Neapolitans, clearly embodies the idea of the fragility of the human life through the feeling that the fate of a man although full of unexpected calamities, is never unique. Giacomo Leopardi defined this as a shadow of “Vesuvius the Killer”. The analysis suggests that this shadow facilitated the adaptation of Herling-Grudziński to the foreign space.

Keywords: *Herling-Grudziński, Vesuvius, petrification, Neapolitans, fate.*